

МИХАИЛ А. ПОГОРЕЛОВ

Музей истории Преображенской психиатрической больницы имени
В.А. Гиляровского, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-9416-9293

Полевые исследования в раннесоветской криминологии (1920-е годы)

doi: 10.22394/2074-0492-2021-3-254-281

Резюме:

В статье рассматриваются полевые исследования в раннесоветской криминологии. Исследования преступности и преступника появляются в Советском Союзе в условиях относительной научной свободы послереволюционного времени и беспрецедентного доступа в пенитенциарные учреждения для ученых. Хотя это исследовательское поле имело междисциплинарный характер и объединяло представителей различных дисциплин и профессий (уголовное право, психиатрия, психология и антропология), «социологическое крыло» (представленное юристами) имело наибольший авторитет и считалось наряду с биомедицинскими исследованиями наиболее перспективным направлением. В то время как криминальная социология традиционно ассоциировалась, прежде всего, со статистикой, советские юристы начинают экспериментировать с социологическими методами и проводить полевые исследования преступности: наблюдение за заключенными в пенитенциарных учреждениях, социально-бытовые исследования, массовые анкетные опросы. Исследователи активно использовали метод неструктурированного интервью и привлекали для изучения автобиографические тексты осужденных. Одним из направлений советской криминологии стало изучение очагов преступности, предполагающее исследование околупреступных сообществ (беспризорные, нищие, ночлежники) в их естественной среде: на городских улицах, рынках, в ночлежных домах, воровских притонах и других криминогенных местах. Обеспокоенные устойчивостью и сплоченностью тюремных субкультур, криминологи, тюремные администраторы, а иногда и сами заключенные занимались изучением внутритюремных сообществ, иерархий, способов социализации и других аспектов жизни за решеткой. Для организации постоянного наблю-

254

Погорелов Михаил Александрович — историк, сотрудник Музея истории Преображенской психиатрической больницы им. В. А. Гиляровского (Москва), выпускник магистратуры факультета истории НИУ ВШЭ (2014). Научные интересы: история криминологии, история психиатрии, советская пенитенциарная система в 1920-е годы. E-mail: mikhail.alex.pogorelov@gmail.com

дения за заключенными и институционализации позиции ученого внутри пенитенциарных учреждений в Москве были организованы опытные тюрьмы: криминологическая клиника и экспериментально-пенитенциарное отделение Государственного института по изучению преступности и преступника. Исследование основано на научных работах, архивных документах и материалах периодической печати.

Ключевые слова: полевые исследования, раннесоветская криминология, преступность, история науки

Mikhail A. Pogorelov¹

Museum of Preobrazhensky psychiatric hospital, Moscow, Russia

Field Research in early Soviet Criminology in the 1920s

Abstract:

The paper examines field research methods in early Soviet criminology in the 1920s. The crime and criminality studies flourished in postrevolutionary Russia due to the relative intellectual freedom of the era of NEP and unprecedented access to penitentiaries for researchers. Although this interdisciplinary field of studies brought together scholars from different disciplines and professions (criminal law, psychiatry, psychology, anthropology), the sociological branch (represented by lawyers) was considered the most promising. While criminal sociology was traditionally associated with statistics, Soviet criminologists began experimenting with field research techniques, such as surveys, direct observation, qualitative interviews, and case studies. One of the methods—the study of so called “hotbeds of crime”—was most similar to contemporary understanding of field research: it involved the involvement of a researcher into crime-related communities (homeless, beggars, street children, former criminals) and research on the streets, night shelters, marketplaces or other criminogenic zones. Concerned about criminal subcultures, criminologists and prison administrators were interested in studying the inmate code, processes of prisonization, tattoos and other aspects of prison culture. In order to institutionalize the position of a scientist within the penitentiary system, two “experimental prisons” were organized in Moscow’s places of detention: the Criminological Clinic and the Experimental Penitentiary of the State Institute for the Study of Crime and Criminal. The research is based on archival documents, research papers and periodicals.

Keywords: field research, early Soviet criminology, crime, methods, history of science

255

1 Mikhail A. Pogorelov — historian, research fellow at the Museum of Preobrazhensky psychiatric hospital in Moscow; graduated from the history department of the Higher School of Economics in Moscow (2014). Research interests: history of criminology, history of psychiatry, Soviet penal system in the 1920s. E-mail: mikhail.alex.pogorelov@gmail.com

Введение

Возможны ли полевые исследования преступности и пенитенциарных учреждений? Очевидно, что такие исследования налагают множество ограничений как институционального, так и собственно полевого характера. Постоянное наблюдение в местах заключения проблематично, как и вхождение в преступные или околоскриминальные сообщества для их изучения. Этот вопрос и сегодня остается актуальным для исследователей, о чем свидетельствуют активные дискуссии в академической среде о методологии полевых исследований и существующие сегодня научные направления в этой области: полевые исследования судебных и полицейских учреждений (court/police ethnography), этнография тюрьмы (prison ethnography), edge ethnography [Drake, Earle, Sloan 2015; Miller, Miller 2015]¹. История раннесоветской криминологии, амбициозного исследовательского проекта, получившего стремительное развитие в 1920-е годы и столь же быстро прекратившего свое существование в конце десятилетия, позволяет увидеть в исторической перспективе, как разрабатывались и применялись методы полевых исследований.

256

В этой статье я бы хотел поставить вопрос, в какой степени в раннесоветской криминологии использовались методы полевых исследований и можно ли вообще говорить о полевых исследованиях в этой науке в данный период. Применение подобной терминологии к 1920-м годам носит условный характер, так как ученые, работавшие в этот период, описывали свои методы в других категориях. В широком смысле полевые исследования (fieldwork) в социальных науках предполагают изучение человека или сообщества в естественной среде обитания [Robben, Sluka 2007: 7]. Применительно к социологии и криминологии (науки о преступности) полевые исследования отсылают к более конкретной научной традиции. В конвенциональной истории американской криминологии традицию полевых исследований (fieldwork tradition) отсчитыва-

---

1 Edge ethnography — метод качественных исследований в социальных науках, который подразумевает изучение стигматизированных и маргинальных социальных групп (часто связанных с преступностью или полукриминальной деятельностью). Этот метод предполагает, что исследователь сознательно идет на риски, глубоко интегрируясь в изучаемое сообщество, в некоторых случаях оказываясь в роли участника и «инсайдера», не раскрывая своих исследовательских целей и проводя наблюдение скрытым образом. Edge ethnography часто связана с исследованием криминальных субкультур или групп, которые обычно остаются за пределами традиционных полевых исследований из-за своей закрытости и недоступности [Miller, Miller 2015: 95].

ют от первого поколения Чикагской школы социологии. Согласно Маржори Деволт, она основывалась на трех стратегиях получения данных: прямое или включенное наблюдение (этнография), полуструктурированное интервью и исследование жизненных историй [DeVault 2007: 156; Maxfield, Babbie: 201, 203; Miller, Copes, Hochstetler 2015: 89].

Ниже я буду подразумевать под полевыми исследованиями именно этот комплекс исследовательских практик. Полевые исследования понимаются в данном случае как «выход в поле» (будь то арестные дома и тюрьмы, городские улицы, трущобы и ночлежки), так и как попытка перенастроить исследовательскую оптику: интерес к конкретным жизненным историям, прямой речи и фактуре, склонность к сбору «сырых» данных и изучению «живого» правонарушителя в естественном окружении.

Исследование основано на архивных документах (фонды Государственного архива Российской Федерации, Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки), материалах периодической печати, отчетах криминологических учреждений и научной литературе. В то время как раннесоветская криминология объединяла представителей различных дисциплин и профессий (психиатров, юристов, антропологов, психологов) и была междисциплинарным проектом, в статье я фокусируюсь на ее социологическом крыле.

257

Раннесоветская криминология

В период с 1918 по 1930 г. раннесоветская криминология переживает бурное развитие, за которым последовал столь же стремительный разгром этого исследовательского поля на рубеже 1920-х и 1930-х годов в условиях «великого перелома» и сталинизации науки [Shelley 1977; Иванов, Ильина 1991; Kowalsky 2009; Pinnow 2017]. Тем не менее за эти годы проведено множество исследований и опубликованы десятки монографий и статей. Ученые, интересующиеся проблемами девиантности, налаживают связи с патронами в советских наркоматах, отвечающих за борьбу с преступностью и пенитенциарную систему, благодаря чему всего за несколько лет, с 1918 по 1926 г., удается выстроить систему новых институтов в различных городах Советского Союза. Криминологические кабинеты открываются в Саратове, Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Иркутске, Казани, Харькове, Киеве, Одессе, Минске, Баку и Тифлисе. В 1925 г. в Москве был организован Государственный институт по изучению преступности и преступника при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР, взявший под свое руководство координацию криминологических исследований. Вплоть до конца 1920-х годов

это учреждение выполняло функции экспертного центра Главного управления мест заключения (ГУМЗ) и проводило социологические, судебно-психиатрические, психологические и статистические исследования. Институт получил относительную научную свободу и беспрецедентную возможность неограниченного доступа в пенитенциарные учреждения для проведения исследований [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 10. Д. 7. Л. 54об].

Раннесоветская криминология представляла собой междисциплинарный проект, объединивший представителей уголовного права, психиатрии, психологии и антропологии. Как показывает Кеннет Пинноу [Pinnow 2017: 122-146], этой науке был присущ коллаборативный этос и всесторонний подход, предполагавший тесное взаимодействие ученых из различных дисциплин. Признавая главным источником преступности социально-экономическую структуру общества, советские психиатры и юристы все же рассматривали личность как биосоциальный комплекс, который нужно изучать одновременно из двух перспектив — социологии и биологии (психиатрии) [Браиловский 1926: 3].

258

Это предопределило методологический плюрализм криминологии, относительную свободу в выборе исследовательских и аналитических инструментов [Гернет 1924: 31]. Исследования преступности подразумевали использование различных методологий: социологических, статистических, психиатрических, антропологических, психологических. Ученые, занимающиеся криминологическими исследованиями, сохраняли свои профессиональные идентичности и использовали подходы своих дисциплин [Kowalski 2009].

В то же время в раннесоветской России условия распространения социологических подходов в изучении преступности оказались благоприятными, учитывая марксистскую ориентацию советской социальной науки и консенсус, согласно которому социально-экономические факторы рассматривались как основные причины преступности. Это в значительной степени контрастировало с криминологическими исследованиями в других странах, где изучение преступности часто было монополизировано медицинскими экспертами. Отмечая, что в Западной Европе этой наукой занимались в основном медицинские специалисты, один из организаторов советской криминологии Михаил Гернет [1927: 20] писал, что в Советской России социологи получили столько же прав внутри пенитенциарной системы, сколько психиатры.

Контексты

В этом разделе я рассмотрю контексты, оказавшие влияние на формирование методологии социальных исследований преступности

в 1920-е годы. В первую очередь это традиция городских обследований. Интерес к социальным вопросам (преступность, пауперизм, бедность, беспризорность и проч.) стал результатом появления современного города с присущими ему проблемами и движением за социальные реформы. М. Деволт [DeVault 2007: 158] возводит истоки эмпирической городской социологии к социальным обследованиям конца XIX в., проводившимся административными работниками, общественными активистами и филантропами. Именно эта традиция дала один из начальных импульсов для возникновения Чикагской школы социологии [Ibid.]. Аналогичным образом в Российской империи производством знаний о крупных городах и их патологиях занимались в первую очередь социальные реформаторы, медицинские эксперты, общественные активисты, участники городских переписей, журналисты или писатели¹. Так, городские попечительства о бедных начиная с 1890-х годов регулярно проводили массовые обследования трущоб и ночлежек Москвы. Сотрудникам попечительств приходилось лично ходить по ночлежкам и записывать подробные отчеты об условиях жизни их обитателей [Горностаев 1900: 3].

Другой непосредственный контекст — возникновение позитивистской криминологии в конце XIX в. Позитивная школа уголовного права, возникшая как оппозиция классической школе, критикуя абстрактность и умозрительность последней, предлагала использовать экспериментальный метод и опираться на эмпирические данные в изучении преступности. На фоне беспрецедентного развития биомедицинских наук во второй половине XIX в. ученые-юристы все чаще выражали озабоченность по поводу отсутствия у своей дисциплины научной методологии, которая давала бы объективное знание. В частности, этим можно объяснить такую популярность криминальной антропологии — проекта психиатра Чезаре Ломброзо, выдвинувшего идею об изучении преступника как «естественного объекта» и предложившего использовать для этого антропологические и медицинские методы [Gibson 2002: 18-30]. В этот период исследования девиантного поведения были сосредоточены в руках медицинских специалистов, которые в силу своих профессиональных обязанностей сталкивались с осужденными в тюрьмах и пациентами психиатрических больниц, поэтому неудивительно, что криминология изначально возникает в домене психиатрии².

1 Историки часто указывают на роль социальной репортажной журналистики в появлении городских исследований, см., например, [Linder 1996: 28].

2 Как показывает Роберт Най, биомедицинский дискурс описания преступности и в целом городской жизни был наиболее авторитетным к началу XX в. и в дальнейшем оказал влияние на формирование социологии города [Nye 1985: 660].

По мнению российского юриста Дмитрия Дриля [1912: 13, 14], уголовное право должно добывать эмпирические данные, используя методы чистых наук: антропологии, психиатрии, социологии и психологии. Имея в виду, прежде всего, клинические исследования, он писал: «на первом плане должен стоять метод тщательного, всестороннего изучения отдельных явлений живой действительности, в то время как статистические данные должны иметь вспомогательное значение» [Там же: 343, 344]. Тогда же появляются первые эмпирические исследования преступности. Прасковья Тарновская, знаменитая сторонница Чезаре Ломброзо, еще в 1890-е годы проводила исследования женщин в тюрьмах Санкт-Петербурга. Хотя это были, прежде всего, антропометрические и антропологические обследования, для Тарновской были важны разговоры с информантками и выявление их жизненных историй [Уайт 2020]. Примерно в те же годы психиатр и ученик Владимира Бехтерева Алексей Щеглов [1903: 124] проводил психологические исследования в колонии и отделении для малолетних преступников санкт-петербургской тюрьмы.

260

Первым выездные исследования в пенитенциарные учреждения стал практиковать московский юрист Сергей Познышев. Как и Дриль, Познышев интересовался интеграцией психологических методов в изучение преступности. Еще в 1911 г. он предлагал использовать массовые и индивидуальные методы при изучении осужденных [Познышев 1911: 191]. В 1921 г. Познышев организовал и возглавил отделение криминальной психологии при Московском психоневрологическом институте. Его сотрудники по соглашению с Народным комиссариатом юстиции получили свободный доступ в места заключения и только за первую половину 1922 г. десятки раз посещали тюрьмы Москвы, проводя там научные исследования [ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 199: 130-131; Познышев 1926: 5].

Однако ключевой для формирования криминальной социологии в России стала фигура знаменитого юриста Михаила Гернета. В 1923 г. Гернет организовал большое исследование мест заключения Москвы, которое стало отправной точкой для постепенной институционализации криминологических исследований в советской России. В 1925 г. он выступил одним из инициаторов создания Государственного института по изучению преступности и преступника. В то время как Познышев интересовался скорее психологическими исследованиями, Гернет обосновал и закрепил претензии «социологического крыла» раннесоветской криминологии. Как указывает Яков Гишинский [1998: 592], именно Гернет социологизировал проблемы уголовного права и ввел в практику широкий набор статистических и социологических методов.

В этом смысле интересно посмотреть на источники, которые подтолкнули Гернета к его исследовательским интересам. В 1893-1897-х годах он учился на юридическом факультете Московского университета под руководством юриста М. В. Духовского, одного из первых представителей социологической школы в уголовном праве, который в своих исследованиях опирался на материалы этнографических экспедиций [ОР РГБ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 1: 1; Духовский 1891: 3, 4]. В 1910 г. под руководством Гернета было проведено масштабное социологическое исследование несовершеннолетних правонарушителей. Оно опиралось на массовый анкетный анализ нескольких тысяч судебных дел, биографических характеристик и даже на прямое наблюдение за воспитанниками отделения для малолетних преступников московской исправительной тюрьмы [Гернет 1912: 1, 2; Всесвятский 1912: 413-427].

Наконец, отдельного внимания заслуживает вопрос, в какой степени подходы раннесоветских криминологов отражали иностранные влияния. В европейских странах в период после Первой мировой войны криминологические исследования носили скорее клинический и психиатрический характер. Как пишет Ричард Ветцелл, на фоне бума криминальной биологии в Веймарской Германии немецкие социологи практически не интересовались эмпирическим изучением преступности. Как и в других странах, криминальная социология здесь означала всего лишь криминальную статистику и работу с большими данными [Wetzell 2000: 108].

261

Здесь стоит коснуться вопроса о возможных влияниях со стороны Чикагской школы социологии, представители которой считаются пионерами полевых исследований и уличной этнографии. Хотя в поле зрения российских и советских исследователей по традиции была скорее европейская литература, они тем не менее имели доступ к работам американских криминологов. Ленинградский юрист Павел Люблинский, специализирующийся на пенитенциарных и судебных системах США и Великобритании и неоднократно посещавший эти страны, регулярно знакомился с актуальной американской литературой по криминологии. В частности, Люблинский был осведомлен о трудах представителей Чикагской школы и их исследовательских методах. Он опубликовал рецензию на классический учебник криминологии Эдвина Сазерленда, где тот, в частности, предлагал изучать преступников «на свободе» («in the open», т. е. в естественной повседневной обстановке) [Люблинский 1927: 331; Sutherland 1960: 69]. Известно также, что Люблинский был знаком с книгой «Банда» Фреда Трешера, ученика одного из самых известных представителей Чикагской школы Роберта Парка, а также с работами Эрнста Берджесса [Люблинский 1929: 40; 1933: 74]. Не совсем ясно, однако, в какой мере эти авторы

повлияли на собственные исследования Люблинского. Вероятнее всего, здесь имеет смысл говорить не о трансфере или влиянии, а о синхронном развитии американской и раннесоветской криминологиях, которые в 1910-1920-е годы разделяли тенденцию перехода от медицинской модели изучения преступности к модели социологической.

Методы

К 1920-м годам внутри советской криминологии закрепилось своеобразное разделение труда. В то время как психиатры и психологи должны были заниматься индивидуальными исследованиями (используя медицинские, антропологические и психологические методы), социологам отводилась роль статистиков, которые показывали бы большую картину преступности. В соответствии с представлениями эпохи позитивизма биомедицинские науки и статистика давали точное знание, в то время как описательные методы могли выполнять всего лишь вспомогательную и иллюстративную функцию. В 1920-е годы язык естественных наук сохранял свой авторитет у ученых-юристов. Как писала заведующая Одесским криминологическим кабинетом Елена Френкель [1926: 66], студент-юрист учится методам криминологии «подобно химику и физиологу».

262

Однако в условиях методологического плюрализма эпохи НЭПа некоторые исследователи (главным образом юристы, но иногда и психологи) начинают использовать методы, нарушающие этот баланс. Эта тенденция неизбежно должна была вступить в противоречие с марксистским представлением о криминологии, которое скорее отрицало ценность индивидуальных кейсов, так как определяющей в генезисе преступности признавалась социально-экономическая структура общества. Например, чрезмерное внимание психолога Анны Петровой к прямой речи информантов вызывало неприятие у редакторов сборника «Преступник и преступность», который издавался Московским криминологическим кабинетом. Как указывалось в примечании к статье Петровой, «собранный и почти со стенографической точностью зафиксированный автором бытовой материал представляет несомненный интерес, но освещается им в плане чисто эмпирико-психологического толкования», поэтому «отдельные данные, добытые текстуальным исследованием, приобретают не подчиненную, а самодовлеющую роль» и «личность [...] отрывается от ее биосоциального фундамента» [Петрова 1928: 106]. Наоборот, статья психиатра Владимира Аккермана [1928: 7, 8] об исследовании убийц признавалась успешной: «благодаря всестороннему анализу материала автор [...] дает именно то, что

не может дать статистика — живую личность в ее индивидуальном социально-бытовом и биологическом разрезе».

В то же время тот пафос, на котором строилась раннесоветская криминология, был основан именно на непосредственном изучении правонарушителей. Сам термин «полевые исследования» не использовался советскими криминологами. Скорее, речь шла об изучении «живого материала» или «живого преступника», т. е. исследовании людей непосредственно, при помощи наблюдения и взаимодействия, а не документов или статистических выкладок [Гернет 1924в: 27, 29]. По выражению Е. Френкель [1926: 66], такая исследовательская работа давала возможность знакомиться «не только с отвлеченным понятием преступления, но и с воплощенным в плоть и кровь человеком».

Анкетный метод исследований был самым популярным как в связи с социоэкономической парадигмой советской науки о преступности и преступнике, так и из-за простоты анкетных обследований и того, что такие опросы давали данные по разным областям исследований [Pinnow 2017: 131, 137]. В то же время криминологи делали ставку на качественные методы: внедрение исследовательских дневников, написание осужденными собственных автобиографий, наблюдение и интервью. В первом большом исследовании пенитенциарных учреждений Москвы, проведенном весной 1923 г., обследователи активно использовали интервью [Гернет 1924а: VII; Гернет 1924в: 27]. Исследовательский гайд предлагал опрашивать заключенных как про само преступление, так и про все, что касалось условий прежней жизни заключенного (семья, классово-социальная принадлежность, образование и проч.) [Гернет 1924в: 28].

Исследовательская схема, применявшаяся в криминологической клинике Московского кабинета по изучению правонарушителя, может проиллюстрировать, какие социологические методы использовали исследователи. Кабинет имел очень широкие полномочия. В положении учреждения прямо указывалось на его автономность и независимость в действиях от ведомств и тюремной администрации, а «летучим исследовательским отрядам» кабинета был предоставлен доступ в места заключения Москвы «в любое время дня и ночи» [Хроника 1925: 17; ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 3. Д. 18: 8-11].

Методика индивидуально-социологического исследования в клинике включала четыре этапа: личное знакомство с осужденным; изучение судебно-следственных данных; обследование социально-бытовой среды, в которой вырос правонарушитель; изучение социальных связей и поведения в тюрьме [Герцензон 1927: 152]. Сотрудник Московского кабинета юрист Алексей Герцензон писал:

в этом ознакомлении с правонарушителем социолог получает направляющие линии для всего последующего изучения и анализа быта, среды и криминальной деятельности правонарушителя: социолог узнает, какая именно социальная среда, какой быт, какой криминальный материал подлежит его изучению. Но нередко сам правонарушитель так ярко отражает в себе ту среду, которая его породила, что он сам по себе делается объектом социологического изучения; в этом случае быт как бы «выпирает» из исследуемой личности [Там же: 153].

Для изучения быта и среды, в которой рос правонарушитель, исследователи проводили выездное обследование, включающее изучение местности, интервью с родственниками и знакомыми обвиняемого или обвиняемой и общее заключение о влиянии социально-бытовых условий на воспитание и поведение [Аккерман 1927: 208]. Как было указано в инструкции к обследованию, оно предполагало не «автоматическое заполнение соответствующих параграфов инструкции краткими ответами, а по возможности более или менее обстоятельными описаниями» [Герцензон 1927: 155].

264

Следующий этап состоял в наблюдении за жизнью заключенного: исследователю рекомендовалось собирать материал об «уголовной морали и навыках», изучать влияния коллектива на его или ее поведение и отношение с другими заключенными [Там же: 154]. При этом, как добавлял Герцензон, эта индивидуально-социологическая характеристика должна была быть «оттенена широким социально-экономическим фоном» [Там же: 160]. Это исследование в данном случае имело не столько научные, сколько прикладные цели: знание о преступнике и преступлении должно было стать основой для приговора, содержания в местах заключения и возможного досрочного освобождения.

Практиковались и другие формы выездных исследований. В 1928 г. сотрудники криминологического кабинета в Ростове-на-Дону организовали двухмесячную экспедицию в Северную Осетию, в которой участвовали как психиатры, так и юристы-социологи. В результате были обследованы Владикавказский исправительно-трудовой дом и ряд других учреждений [Материалы 1929: 7-8].

Кроме того, широко использовались биографические исследования. Здесь основным методом выступало интервью и свободный биографический рассказ, ориентированный на информанта. Сотрудники Одесского кабинета Е. Френкель и А. Халецкий различали анкетный и внеанкетный методы обследования. Последний наиболее близок по смыслу к современному пониманию неструктурированного интервью. Как указывали ученые, анкетный метод лучше подходил для статистической обработки, однако «усыплял» информанта и схематизировал «живой материал» [Френкель, Ха-

лецкий 1928: 159]. Напротив, внеанкетный метод, «путем свободной записи беседы и наблюдения на чистом листе имеет свои огромные преимущества, возбуждая большее доверие исследуемого, оживляя его рассказ, открывая в ходе непринужденного разговора новые события и переживания». И хотя последняя форма рекомендовалась только в случае постоянного наблюдения над небольшой группой заключенных, записывать биографию обследуемого с его «свободного рассказа» предписывалось даже в случае массовых обследований [Там же].

Подходы многих исследователей демонстрируют интерес к прямой речи и жизненным историям информантов [Укше 1926: 101-107]. В сборнике Одесского криминологического кабинета даже публиковались автобиографии, написанные осужденными [Четыре автобиографии 1927: 96].

Установление доверительной связи с информантом имело важное значение для исследователей. Как писал Аккерман [1927: 208], «раскрытие основных особенностей личности возможно лишь в условиях наибольшего ее доверия и расположенности и при отсутствии какого-либо ее травмирования». Ученые, работавшие в криминологических кабинетах, в понимании заключенных выступали в первую очередь как агенты властей (уголовного розыска или тюремной администрации), и им было важно убедить собеседников в том, что они действуют в интересах науки, обозначить свою нейтральность и добиться доверия. Инструкция для проведения обследования Ленинградского криминологического кабинета (1930 г.) рекомендовала «избегать производить на заключенного впечатление официального лица». Опрос предписывалось вести «в виде простого разговора, доверительной беседы, без ведения протокола, без записей на глазах заключенного». Эта беседа должна была определяться «естественной логикой свободного живого разговора», чтобы обеспечить доверие респондента и получение достоверной информации. Записывать ответы предлагалось «с сохранением образности речи обследуемого». Приветствовалось получение от обследуемых собственноручно написанных автобиографий, дневников, литературных произведений, записей, писем и других личных документов. Кроме того, обследователю рекомендовалось завязать с информантом постоянную переписку [ОР РНБ. Ф. 448. Оп. 1. Д. 330: 1]. Такого подхода придерживалась психолог Анна Петрова [1924: 82-101], установив очень близкий контакт с информанткой. В своей статье она приводит прямую речь и фрагменты из дневника обследуемой, который та вела в заключении, возможно, по рекомендации Петровой.

Как писал Гернет, при проведении московского исследования в апреле 1923 г. практиканты из 1-го МГУ:

сумели внушить к себе и к научной анкете в большинстве случаев полное доверие заключенных, и перед следователем обыкновенно не только не прятались за недоступную стену полного отрицания своего преступления или «запамятования», но откровенно говорили о своем прошлом и о таких деяниях, которые даже и не были известны следственным и судебным органам. Прекрасною иллюстрацией такого доверчивого отношения к опросу в научных целях служат слова одной проститутки и воровки-рецидивистки. Заметив колебания или неправду в ответе своей соседки по заключению, она сказала ей: «не бойся, говори всю правду, люди учатся» [Гернет 1924: 29].

О том же писали сотрудники Одесского кабинета Френкель и Халецкий. Правонарушители оказывались гораздо более откровенными с учеными, чем со следователями, признаваясь в преступлениях. По их мнению, это свидетельствовало о доверии к сотрудникам кабинета и надежности получаемого материала [Френкель, Халецкий 1928: 158, 159].

Очаги преступности

266

Исследования преступности в естественной среде имеют множество практических ограничений и рисков, поэтому криминологи, выходящие в поле, чаще изучают феномены, находящиеся на периферии преступной деятельности [Maxfield, Babbie 2009: 204]. Это связано как с вопросами безопасности, так и с возможностью вести постоянное наблюдение и вступать в контакт с представителями изучаемого сообщества. Вероятно, по этим причинам одним из направлений советских криминологических исследований в 1920-е годы стало изучение очагов преступности. Под ними имелись в виду околупреступные сообщества (беспризорные, нищие, ночлежники) или места, которые рассматривались как криминогенные и в которых возможно было наблюдать интересующие криминологов группы в естественной среде: ночлежные дома, рынки, воровские притоны, городские улицы. В некоторых криминологических учреждениях такие исследования были поставлены на постоянную основу. В положении Московского кабинета было прямо указано, что одной из его задач является изучение очагов преступности в Москве [Положение 1925: 62]. Исследование опикурилен, хаз, рынков, ночлежек и других очагов входило в план Иркутского кабинета [ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 3. Д. 20: 7-10]. Аналогичными исследованиями занимались сотрудники Одесского кабинета.

Одной из самых интересных работ такого рода стало изучение непризорников в Одессе, проведенное В. С. Красуским и В. Д. Маркарским. Их интересовало изучение сообществ бездомных детей в естественной среде: структура, организация и «механизмы соци-

альной жизни» групп беспризорных [Красуский, Макаровский 1928: 126]. Они писали, что «изучение коллективной жизни беспризорных в ее чистом виде, т. е. свободной коллективной жизни может быть проведено или на улице, или в первичных детских учреждениях (ночлежка, приемник, коллектор)» [Там же: 127]. Всего было изучено семь уличных групп, различных по организации, составу и структуре. Вхождение в группу и установление связи с информантами имело важное значение. Чтобы добиться доверия при изучении группы, называемой «жилкоп» (состоящей из 30 человек в возрасте от 8-18 лет), которая обитала в полуразрушенном здании бывшего ресторана, исследователи объяснили свой визит поисками ребенка, бежавшего из ночлежки. Это позволило усыпить подозрение, в результате чего они в течение дня могли наблюдать естественное поведение группы [Там же: 131]. При этом, как следует из описания, они не раскрывали исследовательской цели своего визита.

Другое исследование Красуского, выполненное в соавторстве с психиатром А. Халецким, было посвящено исследованию субкультуры беспризорных. Авторы интересовали «традиции, законы и навыки» беспризорных как «механизмы социальной защиты». В соответствии с выводами исследования объединение в группы было вызвано целями самозащиты. В то же время беспризорные стремились к сохранению «чистоты» своих коллективов, что определяло их небольшой размер, а также «механизмы» входа в сообщество [Красуский, Халецкий 1929: 229]. Третье исследование Красуского было связано с изучением ночлежек Одессы. Вместе со студентами-практикантами он многократно посещал ночлежные дома, знакомясь с бытом и особенностями жизни ночлежников [Красуский 1930: 123].

Начиная с 1926 г. сотрудники Московского кабинета систематически проводили полевые исследования на городских рынках, вокзалах, в ночлежных домах и воровских притонах. Эти исследования были организованы молодым юристом Владимиром Меньшагиным. Так как эти очаги преступности традиционно рассматривались как «рассадник и поставщик преступников-профессионалов», задача исследования состояла в том, чтобы выяснить, в какой степени они производят преступность. Первое большое полевое исследование Меньшагина было посвящено ночлежкам. Были обследованы три учреждения: бывший ночлежный дом Ермакова на Каланчевской площади, дорогомилковский ночлежный дом и ночлежка Морозова на Таганке [Меньшагин 1927: 165, 166]. Меньшагин разделил ночлежников на три группы. К первой он отнес «социально здоровый элемент», состоящий в основном из сезонных рабочих, не связанных тесно с преступными субкультурами [Там же: 170]. Во вторую полупреступную группу входили

обитатели ночлежек, не имеющие постоянной работы, но втянутые в подпольную экономику: старьевщики, бродячие музыканты и дрессировщики животных, «рикши» (подноски вещи с вокзалов), нищие и проч. По мнению Меньшагина, эта группа ночлежников являлась своего рода «запасным резервуаром», пополняющим «кадры» профессиональной преступности [Там же: 173] Наконец, третья группа — преступники-профессионалы, которые не жили в ночлежках постоянно, а приходили туда «для игры в карты и нюханья кокаина» [Там же: 175].

Второе исследование Меньшагина было связано с изучением нищенства и беспризорности. Сообщества профессиональных нищих также рассматривались как «полупреступные» группы, связанные с профессиональными преступниками [Нищенство и беспризорность 1929: 4]. Меньшагин и его сотрудники изучали места, где чаще всего обитали профессиональные нищие: кладбища, рынки, ночлежные дома и паперти больших церквей. Всего в 1926-1928 гг. было обследовано около тысячи человек, из них свыше 300 человек подверглись индивидуальному изучению [Меньшагин, Эдельштейн 1929: 58, 59].

268

Из всех исследований, которые проводили раннесоветские криминологи, изучение очагов преступности наиболее близко к современному пониманию полевых исследований, так как исследователи изучали интересующие их сообщества в естественной среде. Характерно, что в текстах авторы пренебрегали подробными полевыми свидетельствами очевидцев, а придерживались более привычных количественных данных и обобщенных описаний.

Изучение тюремной культуры

Изучение психологии преступников и тюремной культуры вызвало большой энтузиазм у исследователей уже в конце XIX в. Некоторые историки даже называют основателя криминальной антропологии Чезаре Ломброзо пионером городской антропологии за его увлечение коллекционированием и анализом образцов тюремного фольклора и творчества заключенных [Gibson 2019: 232]. Поэтому неудивительно, что среди раннесоветских криминологов эта тема стала достаточно популярной в 1920-е годы. Советские исследователи писали о психологии тюрьмы, но по значению это близко к термину тюремная культура (prison culture, inmate culture), который сегодня используется этнографами, изучающими пенитенциарные учреждения и субкультуры заключенных [Dobbs, Waid 2005: 719; Drake, Eerle, Sloan 2015: 6]. Тюремная культура объединяет различные аспекты сообществ заключенных и устройства жизни за решеткой: нормы и убеждения, фольклор, материальную и символическую

скую культуру, способы входа в сообщества и процесс социализации в тюрьме (prisonization) и проч. [Там же].

Нужно указать, что советские криминологи и тюремные администраторы не рассматривали сообщества заключенных как что-то единое. Скорее, они видели их как две большие группы: меньшинство, состоящее из закоренелых рецидивистов, обладающее авторитетом внутри тюрьмы и распространяющее блатную культуру, и большинство: случайных правонарушителей, попавших за решетку впервые, не принадлежащих к шпане, но являющихся потенциальными рекрутами в рецидивисты и подверженных риску «заразиться традициями блатного мира». Причем в первой различали две группы: рецидивистов неисправимых и более умеренных, способных на компромисс с администрацией, но подверженных влиянию своих закоренелых товарищей [Воевода 1928: 116-120]. Именно в группе неисправимых усматривали основную угрозу режиму и порядку в пенитенциарных учреждениях. Это подкреплялось представлением, что тюремный быт и устойчивые привычки уголовников воспроизводят эти субкультуры и тот внутритюремный порядок, который подрывал авторитет тюремной администрации.

269

Блатная культура рассматривалась как пережиток царской тюрьмы [Бехтерев 1929: 105]. Как писал юрист и начальник культурно-просветительного отдела ГУМЗ Юрий Бехтерев, «тюремное хулиганство представляет собой пережиток старых, диких варварских отношений, является продуктом глубокой некультурности населения, его рабского состояния, его малосознательности» [Там же: 107]. Многие исследователи также рассматривали блатную культуру через призму примитивности. Психиатр Абрам Халецкий в своем исследовании анализировал суеверия, популярные среди заключенных Одесского дома принудительных работ. По его мнению, их привычка к толкованию снов и склонность совершать ритуалы, имеющие символическое значение, позволяет сравнивать их с первобытными культурами: так, многие заключенные перед освобождением ломали ложки, с помощью чего пытались обезопасить себя от повторного заключения [Халецкий 1931: 143]

В своей книге «В тюрьме» (1925) Михаил Гернет [1930: 9, 11] рассматривал те типические переживания заключенных, которые позволяли говорить о «психологии тюремного заключения» Его исследование было основано на разнообразных источниках, в том числе воспоминаниях и дневниках, словарях арестантского языка, тюремных песнях и стихотворениях, исследовательских анкетах и личных впечатлениях от посещения мест заключения. В криминологическом музее Московского университета, которым он руководил, Гернет организовал сбор тюремных артефактов, в том числе

коллекций татуировок и образцов надписей заключенных на стенах и книгах из тюремных библиотек [ЦГА Москвы. Ф. 1609. Оп. 7. Д. 7: 12; Ф. 1609. Оп. 6. Д. 64: 65]. В результате исследования, проведенного в 1923 г. в местах заключения Москвы, Гернет [1924: 245] опроверг распространённое представление об атавистическом характере преступной татуировки, указывая, что последняя распространяется скорее вследствие социальных влияний внутри тюрьмы и является отображением статуса внутри сообщества.

Некоторые описания тюремных субкультур были выполнены самими заключенными и опубликованы в тюремной прессе. Ряд тюремных журналов, издававшихся в первой половине 1920-х годов, имел вполне этнографический характер. Так, в журнале Вятского исправдома «За железной решеткой» публиковались поэзия и проза заключенных, фольклор и очерки, посвященные быту и субкультурам тюрьмы [Ухтомский 1923]. Несмотря на публицистичность и беллетризованную форму, они являются ценными источниками, так как дают взгляд на тюремный мир изнутри. Многие криминологи приветствовали издание таких журналов, рассматривая их как голос заключенных и кладёзь исследовательского материала. В 1927 г. в саратовском изоляторе под руководством сотрудников криминологического кабинета был организован кружок изучения тюремного быта. В нем читались лекции, а также проводились анкетные исследования при участии самих заключенных, посвященные первым дням заключения, отношению к суду, досугу и сексуальной жизни [Эленде 1927: 3; Кутанин 1928: 2; Л. Н. Д. 1929: 1].

270

Тюрьма как лаборатория

В 1923 г. при Арбатском арестном доме в Москве была организована криминологическая клиника. Через три года в 1926 г. при Государственном институте по изучению преступности и преступника открылось экспериментально-пенитенциарное отделение. Оба эти случая были попытками создать опытные тюрьмы, в которых заключенные изучались бы в естественной среде. Даже имея неограниченный доступ в места заключения, ученые не могли вести там постоянное наблюдение. Визиты носили краткосрочный характер, ограничивались медицинскими обследованиями, психологическими тестами, заполнением анкет и проведением интервью. Организация этих экспериментальных тюрем позволила институционализировать позицию исследователя внутри тюрьмы, создав условия для постоянного наблюдения за жизнью и поведением заключенных.

Идея, что тюрьма должна стать местом исследования правонарушителей, а надзирателя должен заменить профессиональный об-

следователь, получила распространение на рубеже XIX–XX вв. Первые криминологические клиники (по образцу психиатрических) были организованы еще в Буэнос-Айресе (1907) и Лиссабоне (1919), однако в них работали преимущественно медицинские специалисты [Гродзинский 1924: 88; Rodriguez 2006: 165]. В декабре 1923 г. Московский кабинет открыл криминологическую клинику, которая разместилась в Арбатском арестном доме на 30 мест (позже число мест было доведено до 60) [Гернет 1924в: 33]. В соответствии с медицинской терминологией, которую использовали организаторы клиники, она должна была стать «криминологическим стационаром» (в отличие от кабинета, который вел амбулаторные обследования) и проводить «всестороннее и углубленное» исследование заключенных при участии психиатров, психологов, антропологов и социологов [Аккерман 1927: 207].

Режим криминологической клиники отличался от режима обычных мест заключений: двери камер оставались открыты, заключенным разрешалось свободное перемещение и общение. В 1926 г. старые тюремные двери на первом этаже даже были заменены на новые застекленные, не запиравшиеся на ночь [Там же: 209]. Внутренний распорядок жизни в стационаре устанавливается особой инструкцией, принятой сотрудниками Московского кабинета. В свою очередь администрация Арбатского арестного дома не имела права распоряжаться заключенными клиники без согласия заведующего кабинетом. Вместо надзирателей в клинике работали наблюдатели (два психиатра, один педагог и один психолог) и двое обследователей-социологов. По своему устройству это учреждение напоминало психиатрическую клинику: обследователи вели специальные дневники на каждого заключенного, каждую неделю проводились конференции, на которых демонстрировались «наблюдаемые», сопровождавшиеся подробными докладами [Гернет 1924а: X].

17 октября 1926 г. при Государственном институте по изучению преступности и преступника было организовано Экспериментальное пенитенциарное отделение (ЭПО). Это была своего рода опытная тюрьма, где заключенные находились под постоянным наблюдением профессиональных обследователей. В отличие от криминологической клиники Московского кабинета экспериментальное отделение ориентировалось на выработку новых методов «пенитенциарно-педагогического воздействия на правонарушителя», чтобы затем, как писал Юрий Бехтерев после проверки их успешности, «переносить [их] из центра на периферию» [Бехтерев 1926: 119–124; ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 3. Д. 18: 4]. По его словам, это был «эксперимент не в смысле эксперимента над заключенными, а эксперимента над методами».

В этом небольшом учреждении, разместившимся в кельях бывшего Ивановского монастыря на Солянке (ранее здесь располагался Московский исправительно-трудовой дом), были организованы все типы мест заключения, предусмотренные исправительно-трудовым кодексом 1924 г.: отделение для несовершеннолетних правонарушителей на 20 мест, изолятор на 25 мест, исправительно-трудовой дом обычного типа на 75 мест, трудовая колония на 50 мест, отделение для криминальных психопатов на 10 мест [Утевский 1927: 97]. Для всех заключенных устанавливался единообразный режим и не применялись дисциплинарные наказания [ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 3. Д. 18: 7]. При этом в отделение преимущественно брали осужденных за тяжелые преступления.

Отделение представляло собой беспрецедентное по форме и полномочиям учреждение. Оно подчинялось одновременно ГУМЗ и Государственному институту. Во главе отделения стоял директор, назначаемый ГУМЗ, и совет, состоявший из представителей различных дисциплин: психиатра П. Б. Ганнушкина, юристов М. Н. Гернета и Б. С. Утевского, психолога А. Е. Петровой [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 8. Д. 499: 146]. Совет имел широкие полномочия: в частности, он отвечал за режим, набор сотрудников и исследования [ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 3. Д. 18: 4, 5].

272

Как и криминологическая клиника, ЭПО воплощало медицинскую модель пенитенциарного учреждения. В соответствии с положением о режиме штат ЭПО набирался из обследователей-наблюдателей «с широкой научной подготовкой и исполненной веры в возможность успеха новой борьбы с преступностью» [ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 3. Д. 18: 6, 7]. К первому набору наблюдателей были предъявлены очень высокие профессиональные требования. В апреле 1927 г. были набраны семеро интернов, причем все они имели высшее образование: юридическое, психологическое или психиатрическое [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 8. Д. 576: 57]. Интересно, что по большей части это были женщины. Интерны вели специальные дневники на каждого заключенного [ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 132: 5, 6]. Кроме того, на заседаниях совета регулярно проходили научные конференции с разбором отдельных заключенных, которые напоминали практику психиатрической клиники. Наконец, в отделении был введен режим открытых дверей: двери в камеры не запирались. Мягкие порядки этого учреждения привлекали заключенных, которые сознательно добивались перевода в ЭПО [Вот это порядок 1929: 4].

Заключение

Как показано в статье, в условиях относительной научной свободы послереволюционного времени и беспрецедентного доступа

в пенитенциарные учреждения советские криминологи впервые стали практиковать методы полевых исследований. В то время как криминальная социология традиционно ассоциировалась, прежде всего, со статистическими исследованиями, советские юристы начинают использовать социологические методы, предполагающие непосредственное изучение «живого преступника»: наблюдение за заключенными в пенитенциарных учреждениях, массовые анкетные опросы, социально-бытовые исследования, полевые исследования в ночлежных домах, на городских улицах, рынках и других криминогенных местах. Исследователи активно использовали метод неструктурированного интервью и привлекали для изучения автобиографические тексты осужденных. Обеспокоенные устойчивостью и сплоченностью тюремных субкультур, криминологи занимались изучением сообществ заключенных и внутритюремных порядков. Для постоянного научного наблюдения за арестованными и осужденными были организованы специальные опытные тюрьмы в Москве: Криминологическая клиника Московского кабинета по изучению правонарушителей и Экспериментально-пенитенциарное отделение Государственного института по изучению преступности и преступника. В то же время эта новая оптика не имела необходимой методологической и теоретической основы. В результате в отчетах о полевых исследованиях можно увидеть скорее статистические выкладки и общую картину, а не подробные этнографические описания.

273

Такое интенсивное использование методологии полевых исследований было связано с социологической парадигмой раннесоветской криминологии, рассматривающей преступления как результат влияния социальной среды. Однако эти методы неизбежно должны были вступить в противоречие с нарождающейся марксистской криминологией, которая оперировала большими цифрами, пренебрегала индивидуальными описаниями и видела причину преступности в социально-экономической структуре общества.

Судьбу этого исследовательского поля решила логика политических событий. Криминологические исследования в СССР полностью сворачиваются после 1930 г. Государственный институт по изучению преступности и преступника был перепрофилирован и переименован в Научно-исследовательский институт уголовной политики, а сфера его юрисдикции сузилась. Это событие стало переломным для науки: представители «биологического» крыла криминологии (судебные психиатры) были вытеснены в свою собственную дисциплину, в то время как юристы оставили эксперименты с социологическими исследованиями и вернулись на традиционное поле уголовного права. В результате советская криминология потеряла свой эмпирический характер, а в 1930-е годы и вовсе прак-

тически исчезла. В 1960-е годы эта наука переживает второе рождение, однако в дальнейшем продолжает развиваться уже внутри уголовного права. В отличие от американской криминологии, которая с 1920-х годов формировалась преимущественно как часть социологии, российская криминология сегодня — это, прежде всего, юридическая дисциплина, неохотно использующая социологические методы [Гишинский 2014: 13, 14]. Тем не менее, как показано в данной статье, этот юридический (а не социологический) трек не был очевидным и заданным изначально.

Библиография / References

Аккерман В. О. (1927) Криминологическая клиника. Е. К. Краснушкина, Г. М. Сегал, Ц. М. Фейнберг (ред.) *Преступник и преступность. Сб. 2*, М.: Мосздравотдел: 207-217.

— Akkerman V. O. (1927) The criminological clinic. E. K. Krasnushkin, G. M. Segal, Ts. M. Feinberg (eds) *Criminal and crime. Vol. 2*, М.: Moszdravotdel: 207-217. — in Russ.

Бехтерев Ю. (1929) «Озорство и бесчинство» в местах заключения и борьба с ним. В. Н. Толмачев (ред.) *Хулиганство и хулиганы*, М.: Издательство НКВД: 96-120.

— Bekhterev Yu. (1929) “Mischievousness and hooliganism” in places of detention and the fight against it. V. N. Tolmachev (ed.) *Hooliganism and hooligans*, М.: NKVD Publishing House: 96-120. — in Russ.

Бехтерев Ю. Ю. (1926) Экспериментальный пенитенциарный институт. *Советское право*, 6: 119-124.

— Bekhterev Yu. Yu. (1926) Experimental Penitentiary Institute. *Soviet Law*, 6: 119-124. — in Russ.

Браиловский В. (1926) Социологический или биологический уклон в изучении преступности. *Вопросы изучения преступности на Северном Кавказе. Вып. 1*, Ростов-на-Дону: Книжное бюро Крайздрави: 1-9.

— Brailovsky V. (1926) Sociological or biological bias in the study of crime. *Problems of criminology on the North Caucasus. Vol. 1*, Rostov-on-Don: Krayzdrav: 1-9. — in Russ.

Воевода М. И. (1928) Допровские хулиганы и работа среди них. *Изучение преступности и пенитенциарная практика. Вып. 2*, Одесса: Издание Главного управления исправительно-трудовыми учреждениями УССР: 113-125.

— Voevoda M. I. (1928) DOPR hooligans and work with them. *The study of crime and penitentiary practice. Vol. 2*, Odessa: Main Department of Correctional Labor Institutions of the Ukrainian SSR: 113-125. — in Russ.

Вот это порядок! (1929) *К трудовому обществу*, 9 (24): 4.

— That’s the order! (1929) *To the Laboring Community*, 9 (24): 4. — in Russ.

Всесвятский П. В. (1912) Несовершеннолетние в тюрьме. М. Н. Гернет (ред.) *Детипреступники*, М.: Знаменский: 413-427.

- Vsesvyatsky P. V. (1912) Juvenile delinquents in prison. M. N. Gernet (ed.) *Criminal children*, M.: Znamensky: 413-427. — in Russ.
- Гернет М. Н. (1927) Вопрос об учреждениях для изучения преступности на международном пенитенциарном конгрессе. *Изучение преступности и пенитенциарная практика. Вып. 1*, Одесса: Одесский центральный ДОПР: 6-20.
- Gernet M. N. (1927) The question of institutions for the study of crime at the International Penitentiary Congress. *The study of crime and penitentiary practice. Vol. 1*, Odessa: Odessa central DOPR: 6-20. — in Russ.
- Гернет М. Н. (1912) Предисловие. *Дети-преступники*, М.: Знаменский: 1-3.
- Gernet M. N. (1912) Preface. *Criminal children*, M.: Znamensky: 1-3. — in Russ.
- Гернет М. Н. (1924а) Предисловие. *Преступный мир Москвы*, М.: Право и жизнь: I-XLI.
- Gernet M. N. (1924а) Preface. *The criminal world of Moscow*, M.: Law and Life: I-XLI. — in Russ.
- Гернет М. Н. (1924б) Татуировка в местах заключения города Москвы. *Преступный мир Москвы*, М.: Право и жизнь: 218-246.
- Gernet M. N. (1924b) Tattoos in places of detention of Moscow. *The Criminal world of Moscow*, M.: Law and Life: 218-246. — in Russ.
- Гернет М. Н. (1924в) Первая русская лаборатория по изучению преступности. *Право и Жизнь*, 2: 26-34. 275
- Gernet M. N. (1924b) The first Russian laboratory for the study of crime. *Law and Life*, 2: 26-34. — in Russ.
- Гернет М. Н. (1930) *В тюрьме. Очерки тюремной психологии*, Харьков: Юридическое издательство Украины.
- Gernet M. N. (1930) *In prison. Essays on Prison Psychology*, Kharkiv: Legal Publishing House of Ukraine. — in Russ.
- Герцензон А. А. (1927) К методике индивидуально-социологического изучения правонарушителей. *Преступник и преступность Сб. 2*. М.: Мосздравотдел: 152-164.
- Herzenzon A. A. (1927) To the methodology of individual-sociological study of offenders. *Criminal and criminality Vol. 2*, M.: Moszdrazotdel: 152-164. — in Russ.
- Гилинский Я. (1998) Социология девиантного поведения и социального контроля. В. А. Ядов (ред.) *Социология в России*, М.: Издательство Института социологии РАН: 587-609.
- Gilinsky Ya. (1998) Sociology of deviant behavior and social control. V. A. Yadov (ed.) *Sociology in Russia*, M.: Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences: 587-609. — in Russ.
- Гилинский Я. И. (2014) *Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль*, Санкт-Петербург: Алеф-Пресс.
- Gilinsky Ya. I. (2014) *Criminology: theory, history, empirical base, social control*, St. Petersburg: Alef-Press. — in Russ.
- Горностаев И. Ф. (1900) *Дети рабочих и городские попечительства о бедных в Москве*, М.: Типо-литография т-ва И. Н. Кушнерев и К°.

— Gornostaev I. F. (1900) *Children of workers and urban guardianship of the poor in Moscow*, М.: I. N. Kushnerev and Co. printing house. — in Russ.

Гродзинский М. (1924) Из мира криминалистики. *Право и жизнь*, 10: 88-91.

— Grodzinsky M. (1924) From the world of criminology. *Law and Life*, 10: 88-91. — in Russ.

Дриль Д. А. (1912) *Учения о преступности и мерах борьбы с ней*, Санкт-Петербург: Шиповник.

— Drill D. A. (1912) *Science of criminology and measures to combat it*, St. Petersburg: Shipovnik. — in Russ.

Духовский М. В. (1891) *Имущественные проступки по решениям волостных судов*, М.: Типография М. П. Щепкина.

— Dukhovskiy M. V. (1891) *Property misdemeanors by decisions of volost courts*, М.: М. P. Shchepkina printing house. — in Russ.

Иванов Л. О., Ильина Л. В. (1991) *Пути и судьбы отечественной криминологии*, М.: Наука.

— Ivanov L. O., Ilina L. V. (1991) *History of Soviet criminology*, М.: Nauka. — in Russ.

276 Кадис Л. Р. (2014) Жизнь и труд Абрама Мироновича Халецкого. *Медицинская психология в России*, 5 (28). (<http://mprj.ru>) — Cadiz L. R. (2014) The Life and work of Abram Mironovich Khaletsky. *Medical Psychology in Russia*, 5 (28). (<http://mprj.ru>). — in Russ.

Краснушкин Е. К. (1925) Кабинет по изучению личности преступника и преступности. *Изучение личности преступника в СССР и за границей*, М.: Мосздравотдел: 24-34.

— Krasnushkin E. K. (1925) Bureau for the study of the personality of the criminal and crime. *Study of the criminal in the USSR and abroad*, М.: Moszdravotdel: 24-34. — in Russ.

Красуский В., Макарский Д. Б. (1928) Коллективы беспризорных и беспризорные одиночки на улице. *Изучение преступности и пенитенциарная практика*. Вып. 2, Одесса: Издание центрального ДОПР: 126-142.

— Krasusky V., Makarsky D. B. (1928) Communities of the homeless on the street. *The study of crime and penitentiary practice*. Vol. 2, Odessa: Odessa central DOPR: 126-142. — in Russ.

Красуский В. С. (1930) Ночлежный дом и его обитатели. *Изучение преступности и пенитенциарная практика*. Вып. 3, Одесса: Издание управления исправительно-трудовыми учреждениями НКВД УССР: 121-142.

— Krasusky V. S. (1930) Night shelter and its inhabitants. *The study of crime and penitentiary practice*. Vol. 3, Odessa: the Department of Correctional Labor Institutions of the NKVD of the Ukrainian SSR: 121-142. — in Russ.

Красуский В. С., Халецкий А. М. (1929) Среда беспризорных, ее традиции и навыки. *Нищенство и беспризорность*. Е. К. Краснушкин, Г. М. Сегал и Ц. М. Фейнберг (ред.), М.: Мосздравотдел: 228-239.

- Krasusky V. S., Khaletsky A. M. (1929) The community of the homeless, its traditions and skills. *Beggary and homelessness*. E. K. Krasnushkin, G. M. Segal, Ts. M. Feinberg (eds), M.: Moszdravotdel: 228-239. — in Russ.
- Кутанин М. Н. (1928) Половая жизнь и половое оздоровление. *К новой жизни. Издание Саратовского изолятора*, 1 (4): 1-2.
- Kutaniin M. N. (1928) Sexual life and sexual health improvement. *To a New Life. Newspaper of the Saratov prison*, 1 (4): 1-2. — in Russ.
- Л. Н. Д. (1929) Кружок по изучению быта заключенных. *К Новой жизни. Издание Саратовского изолятора*, 9 (28): 1.
- L. N. D. (1929) Circle for the study of the life of prisoners. *To a New Life. Newspaper of the Saratov prison*, 9 (28): 1. — in Russ.
- Люблинский П. И. (1927) Рецензия на кн.: Edwin H. Sutherland. *Criminology*. Philadelphia and London. 1925. Е. Ширвиндт, Ф. Траскович, М. Гернет (ред.) *Проблемы преступности. Вып. 2*, М.: Государственное издательство: 330-332.
- Lublinsky P. I. (1927) Review of the book: Edwin H. Sutherland. *Criminology*. Philadelphia and London. 1925. E. Shirvindt, F. Traskovich, M. Gernet (eds). *Problems of crime. Vol. 2*, M.: State Publishing House: 330-332. — in Russ.
- Люблинский П. И. (1928) Обследование преступности в Соединенных Штатах Америки. Е. Ширвиндт, Ф. Траскович, М. Гернет (ред.) *Проблемы преступности. Вып. 3*, М.: Издательство НКВД РСФСР: 225-237.
- Lublinsky P. I. (1928) Crime studies in the United States of America. E. Shirvindt, F. Traskovic, M. Gernet (eds). *Problems of crime. Vol. 3*, M.: Publishing House of the NKVD of the RSFSR: 225-237. — in Russ.
- Люблинский П. И. (1928) Хулиганство и его социально-бытовые корни. В. Н. Толмачев (ред.) *Хулиганство и хулиганы*, М.: Издательство НКВД РСФСР: 38-62.
- Lublinsky P. I. (1928) Hooliganism and its social roots. V. N. Tolmachev (ed.) *Hooliganism and hooligans*, M.: Publishing House of the NKVD of the RSFSR: 38-62. — in Russ.
- Материалы для изучения Северной Осетии. Вып. 1. Преступность. Правонарушители* (1929) В. В. Браиловский, С. А. Голунский (ред.), Ростов-на-Дону: Донская правда.
- *Materials for the study of North Ossetia. Issue 1. Crime. Delinquents* (1929) V. V. Brailovsky, S. A. Golunsky (eds), Rostov-on-Don: Donskaya Pravda. — in Russ.
- Меньшагин В. Д. (1927) Очаги преступности. *Преступник и преступность. Сб. 2*, М.: Мосздравотдел: 165-191.
- Menshagin V. D. (1927) Hotbeds of crime. *Criminal and crime. Vol. 2*, M.: Moszdravotdel: 165-191. — in Russ.
- Меньшагин В. Д., Эдельштейн А. О. (1929) Современное нищенство. Е. К. Краснушкин, Г. М. Сегал, Ц. М. Фейнберг (ред.) *Нищенство и беспризорность*, М.: Издательство Мосздравотдела.
- Menshagin V. D., Edelsheytn A. O. (1929) Modern beggary. E. K. Krasnushkin, G. M. Segal, Ts. M. Feinberg (eds) *Beggary and homelessness*, M.: Moszdravotdel. — in Russ.

Петрова А. Е. (1924) Случай изувечения мужа. М. Н. Гернет (ред.) *Преступный мир Москвы*, М.: Право и жизнь: 82-101.

— Petrova A. E. (1924) The case of the mutilated husband. M. N. Gernet (ed.) *The Criminal world of Moscow*, M.: Law and Life: 82-101. — in Russ.

Петрова А. Е. (1928) Преступники-примитивы. *Преступник и преступность*. Сб. 2, М.: Издание Мосздравотдела: 106-132.

— Petrova A. E. (1928) Primitive criminals. E. K. Krasnushkin, G. M. Segal, Ts. M. Fainberg (ed.) *Criminal and criminality*. Vol. 2, M.: Moszdravotdel: 106-132. — in Russ.

Познышев С. В. (1911) Об изучении преступника в науке уголовного права. *Вопросы права*, 8 (4): 190-231.

— Poznyshev S. V. (1911) On the study of the criminal in the science of criminal law. *Legal issues*, 8 (4): 190-231. — in Russ.

Познышев С. В. (1926) *Криминальная психология. Преступные типы*, Л.: Государственное издательство.

— Poznyshev S. V. (1926) *Criminal psychology. Criminal types*, L.: State Publishing House. — in Russ.

Предисловие. (1928) Е. К. Краснушкин, Г. М. Сегал, Ц. М. Фейнберг (ред.) *Убийства и убийцы*, М.: Мосздравотдел.

278

— Preface. (1928) E. K. Krasnushkin, G. M. Segal, C. M. Feinberg (eds) *Murders and murderers*, M.: Moszdravotdel. — in Russ.

Уайт Ф. Х. (2020) Прасковья Тарновская и русские источники книги Чезаре Ломброзо «Женщина-преступница и проститутка». *Новое литературное обозрение*, 5 (165): 1-17.

— White F. H. (2020) Praskovia Tarnovskaya and the Russian Sources of Cesare Lombroso's book "The Criminal Woman and the Prostitute". *New Literary Review*, 5 (165): 1-17. — in Russ.

У[тевский] Б. С. (1927) Два года работы Государственного института по изучению преступности и преступника. *Административный вестник*, 10-11: 93-97.

— U[tevsky] B. S. (1927) Two years of work of the State Institute for the Study of Crime and the Criminal. *Administrative Bulletin*, 10-11: 93-97. — in Russ.

Укше С. (1926) Мужеубийцы. *Право и жизнь*, 2-3: 101-107.

— Ukshe S. (1926) Mariticide. *Law and Life*, 2-3: 101-107. — in Russ.

Ухтомский К. (1923) Тюремный быт (типы и нравы). *За железной решеткой. Журнал заключенных Вятского исправтруддома*, 4: 10-17.

— Ukhtomsky K. (1923) Prison life (types and mores). *Behind the Iron Bars. Journal of the Vyatka Prison*, 4: 10-17. — in Russ.

Френкель Е., Халецкий А. (1928) К технике исследования правонарушителя. *Изучение преступности и пенитенциарная практика*. Вып. 2, Одесса: Управление исправительно-трудовыми учреждениями УССР: 156-162.

— Frenkel E., Khaletsky A. (1928) To the technique of studying the offender. *The study of crime and penitentiary practice*. Vol. 2, Odessa: The department of correctional labor institutions of the Ukrainian SSR: 156-162. — in Russ.

Френкель Е. П. (1926) К изучению личности преступника (О работе Одесского кабинета по изучению личности преступника и преступности). *Вестник советской юстиции*, 2: 64-66.

— Frenkel E. P. (1926) To study the personality of the criminal (About the work of the Odessa Cabinet for the study of the personality of the criminal and crime). *Bulletin of Soviet Justice*, 2: 64-66. — in Russ.

Халецкий А. М. (1931) Среда рецидивистов и тюремные пережитки в допрах. *Изучение преступности и пенитенциарная практика. Вып. 4*, Одесса: Одесский центральный ДОПР: 129-146.

— Khaletsky A. M. (1931) The recidivists and prison survivals in DOPR. *The study of crime and penitentiary practice. Vol. 4*, Odessa: Odessa central DOPR: 129-146. — in Russ.

Хроника. Московский кабинет по изучению личности преступника (1925) *Еженедельник советской юстиции*, 1: 17.

— Chronicle. Moscow Cabinet for the Study of the Criminal Personality (1925) *Soviet Justice Weekly*, 1: 17. — in Russ.

Четыре автобиографии (1927) *Изучение преступности и пенитенциарная практика. Вып. 1*, Одесса: Одесский центральный ДОПР: 96-117.

— Four Autobiographies (1927) *The study of crime and penitentiary practice. Vol. 1*, Odessa: Odessa central DOPR: 96-117. — in Russ.

Шеглов А. Л. (1903) *Об умственной работоспособности малолетних преступников (Экспериментально-психологические исследования)*: Диссертация на степень доктора медицины, СПб.: Государственная типография.

— Shcheglov A. L. (1903) *On the mental state of juvenile delinquents (Experimental psychological research)*: Dissertation for the degree of Doctor of Medicine, St. Petersburg: State Printing House. — in Russ.

Эленде (1927) Наши кружки. *К новой жизни. Издание Саратовского изолятора*, 2: 3.

— Elende (1927) Our circles. *To a New Life. The Newspaper of the Saratov Prison*, 2: 3. — in Russ.

DeVault M. L. (2007) Knowledge from the Field. C. Calhoun (ed.) *Sociology in America: A History*, Chicago: Chicago University Press: 155-182.

Dobbs R. R., Waid C. A. (2005) Prison Culture. Bosworth M. (ed.) *Encyclopedia of prisons and Correctional Facilities. Vol. 1*, Thousand Oaks: Sage: 719-722.

Drake D. H., Earle R., Sloan J. (2015) General Introduction: What Ethnography Tells Us about Prisons and What Prisons Tell Us about Ethnography. D. H. Drake, R. Earle, J. Sloan (ed.) *Palgrave Handbook of Prison Ethnography*, London: Palgrave Macmillan: 1-16.

Gibson M. (2002) *Born to Crime: Cesare Lombroso and the Origins of Biological Criminology*, Westport: Praeger.

Gibson M. (2019) *Italian Prisons in the Age of Positivism, 1861-1914*, London: Bloomsbury Academic.

Kowalsky Sh. (2009) *Deviant women: Female Crime and Criminology in Revolutionary Russia, 1880-1930*, DeKalb: Northern Illinois University Press.

Linder R. (1996) *The Reportage of Urban Culture: Robert Park and the Chicago School*, Cambridge: Cambridge University Press.

Maxfield M. G., Babbie E. (2009) *Basics of Research Methods for Criminal Justice and Criminology*, Wadsworth: Cengage Learning.

Miller M. J., Copes H., Hochstetler A. (2015) The History and Evolution of Qualitative Criminology. H. Copes, M. J. Miller (eds). *The Routledge Handbook of Qualitative Criminology*, Abingdon: Routledge: 3-21.

Miller M. J., Miller H. V. (2015) Edge Ethnography and Naturalistic Inquiry in Criminology. H. Copes, M. J. Miller (eds) *The Routledge Handbook of Qualitative Criminology*, Abingdon: Routledge: 88-102.

Nye R. A. (1985) The Bio-Medical Origins of Urban Sociology. *Journal of Contemporary History*, 4 (2): 659-675.

Robben A., Sluka J. (2012) Fieldwork in Cultural Anthropology: An Introduction. A. Robben, J. Sluka (eds). *Ethnographic Fieldwork. An Anthropological Reader*, Malden: Wiley-Blackwell: 1-28.

Rodriguez J. (2006) *Civilizing Argentina: Science, Medicine, and the Modern State*, Chapel Hill: The University of North Carolina Press.

Shelley L. (1977) *Soviet Criminology: its Birth and Demise, 1917-1936. PhD dissertation*, University of Pennsylvania.

Sutherland E. (1960) *Principles of criminology*, Chicago: Lippincott.

280

Архивные материалы

ФР РГБ — Фонд рукописей Российской государственной библиотеки.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российская национальная библиотека.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ОР РНБ (1930) Ф. 448. Оп. 1. Д. 330. Краткая программа социального обследования личности вредителя.

ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 1. [Гернет М. Н.] Автобиография.

ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 3. Д. 18. Материалы по организации Института по изучению преступника и преступности.

ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 3. Д. 20. Материалы по созданию Иркутского кабинета по изучению преступности и личности преступника.

ЦГА Москвы. Ф. 1609. Оп. 7, д. 7. Годовые отчеты по отделениям, библиотекам, читальным залам, кабинетам и музею факультета на 1923-1924 учебный год. Л. 12.

ЦГА Москвы. ф. 1609, оп. 6, д. 64. Отчет о деятельности музея криминологии и уголовной политики 17 1 1924.

ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 199. Отчет о деятельности Психоневрологического института в Москве, об отпуске кредитов для покупки за границей оборудования и препаратов (1921).

ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 132. Протоколы заседаний комиссии по культурно-просветительной части при экспериментально-пенитенциарном отделении Государственного института по изучению преступника и преступности за ноябрь-декабрь 1926 г. и январь-февраль 1927 г.

ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 8. Д. 499. Приказы по Московскому трудовому дому для несовершеннолетних по личному составу за 1926 г.

ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 8. Д. 576. Приказы Экспериментально-пенитенциарного института по изучению преступника и преступности по личному составу за 1927 г.

Рекомендация для цитирования:

Погорелов М. А. (2021) Полевые исследования в раннесоветской криминологии (1920-е годы). *Социология власти*, 33 (3): 254–281.

For citations:

Pogorelov M. A. (2021) Field Research in early Soviet Criminology in the 1920s. *Sociology of Power*, 33 (3): 254–281.

Поступила в редакцию: 02.09.2021; принята в печать: 19.09.2021

Received: 02.09.2021; Accepted for publication: 19.09.2021